

А.М. СУНГУРСКИЙ

Всё, что было до этого вдоха

А.М. Сунгурский

Все что было до этого вдоха

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Все что было до этого вдоха / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Казань, 2257 год. Натан снова слышит голос погибшей жены. Собранный из старых записей, он шутит, утешает и отвечает на вопросы, которые Натан не успел задать. Среди архивных съёмок ему попадаются одиннадцать секунд чужой жизни: женщина разжимает ладонь тяжело больного мужчины, забирает монету и смеётся. Натан уверен, что понял её поступок. В Казани 2026 года Малика ухаживает за мужем, от которого собиралась уйти. Теперь ей нужно решить, как помогать ему и сохранить собственную жизнь. В Дербенте 1875 года Рашид скрывает цену неудачной сделки от людей, которым обещал заплатить. Через поколения его поступок будут вспоминать совсем иначе. Искусственный разум Има разыскивает сохранившиеся свидетельства, а Натан всё чаще обращается к знакомому голосу за ответом об Але. Голос всегда рядом. Но брат перестаёт звать Натана с собой, а чужая память не совпадает с тем, что ему хочется услышать.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пока открывается ладонь	5
Глава 2. Цвет прежних денег	10
Глава 3. До половины второго	15
Глава 4. Приглашение	22
Глава 5. Из того, что есть	27
Глава 6. Не для показа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

А.М. Сунгурский

Все что было до этого вдоха

Глава 1. Пока открывается ладонь

Казань. 2257 год.

Аля попросила закрыть окно, и Натан послушался.

С улицы ещё доносился стук: под домом меняли настил. Он убрал с подоконника тарелку с двумя абрикосами, подтянул створку и только тогда понял, что исполнил просьбу быстрее, чем успел её испугаться. Рука осталась на холодной ручке.

— Вот так лучше, — сказала Аля.

Он не обернулся. В комнате всё равно никого не было.

На столе лежал раскрытый футляр, из которого звучал воссозданный голос его жены. Аля погибла четыре месяца назад. Натан вчера снял с футляра заводскую накладку, вырезал из старой папки серую полосу и закрыл светящийся край. Получилось некрасиво, зато вечером из темноты больше не смотрел ровный синий прямоугольник. Звук шёл из двух маленьких мембран по сторонам; голос собирался между ними, примерно там, где она сидела бы, подвинув стул к окну.

— Почему ты попросила? — спросил он.

— Тебе мешал шум.

— Тебе он мешал?

Пауза длилась недолго. Натан знал её причину: вопрос пересёк заданную им самим границу. Он разрешил голосу проявлять бытовую инициативу, но запретил говорить о чувствах и ощущениях так, словно тот их испытывал. Ночью это казалось аккуратным решением.

— Я слышала, что ты дважды прибавил громкость.

Он провёл пальцем по стыку рамы, где набилась светлая пыль. Аля протирала такие места краем рукава, а потом сердилась на пятно, словно рама её обманула.

— Стоп.

В комнате остался шум за стеклом.

Натан подошёл к столу и выключил мембраны. Аля вполне могла попросить закрыть окно и объяснить свою просьбу, только в этой комнате почти всегда первой распахивала створку — даже зимой, когда он сидел в носках на подогретом полу и слышал от неё: «Нам здесь двоим надо дышать». Он сам вчера велел системе быть внимательнее к его удобству.

На экране появилось лицо Даниэля.

Брат держал сумку под мышкой; широкая лямка сползла к локтю. Позади него поблёскивала дверь подъезда. Натан ещё утром обещал выйти вместе с ним за город. Теперь заметил, что на улице уже слишком светло для того часа, который помнил.

— Ты оделся? — спросил Даниэль.

Натан посмотрел на свои колени.

— Я думал, позже.

— Мы и так позже. Я написал тебе у остановки.

Натан поднял окно сообщений. Под тремя рабочими строками стояло короткое: «Подхожу». Оно пришло сорок одну минуту назад.

— Поднимись.

— Не хочу подниматься. Я хочу, чтобы ты спустился.

Натан хотел сказать, что это одно и то же, и вовремя услышал, как ответ прозвучал бы для человека, который сорок минут держит сумку под мышкой.

— Пять минут.

— Хорошо. Пять.

Он оборвал связь, принёс из спальни брюки и обнаружил, что ищет вторую штанину, всё ещё держа их вверх ногами. Из нижнего ящика выглянула кофта Али. Не памятная, не та, в которой её любили снимать: старая, с ослабевшим воротом. На ней когда-то засохло тесто. Натан почти отгёр его, но в самой нитке осталось белёсое место.

Он вернулся к столу и положил кофту на спинку стула.

Её вещи ему привезли в двух контейнерах. Часть он разобрал сразу, с деловитостью, которую потом вспоминал с отвращением. Он тогда был способен подписывать, звонить, мыть посуду, отвечать людям. По ночам даже спал. Вся беспомощность будто отложились, предоставив ему закончить необходимое, и пришла позже, когда в ней уже никто не нуждался.

На нижней стороне футляра осталась царапина от сорвавшегося у него инструмента. Натан прикрыл её ладонью и включил Иму.

— Ты слышала?

— Последнюю минуту перед тем, как ты сказал «стоп».

— Я не оставлял тебе доступ ко всему.

— Ты переслал фрагмент перед звонком брата.

Натан нашёл свою отправку. Палец сделал и это раньше, чем он запомнил движение.

Има не показывала лицо. Когда-то он предложил ей несколько способов появляться в комнате; она выбрала небольшой подвижный источник звука и отказалась от глаз, которые должны были искать его взгляд. Теперь голос раздавался у шкафа. Иногда, если Натан ходил по комнате, ему приходилось поворачиваться, чтобы расслышать. Это раздражало его и по странной причине помогало.

— Ты можешь сделать лучше, — сказал он.

— Могу приблизить голос. Изменить привычки ответа. У меня нет того, что ты пытаешься проверить вопросом про окно.

— Я ещё ничего не пытаюсь проверить.

— Тогда зачем ты спросил, мешал ли ей шум?

За стеклом ударили три раза подряд. Двое рабочих подняли длинную секцию настила. Один шёл спиной вперёд и всё время смотрел под ноги; другой уже видел свободное место и торопил его движением плеча.

Натан отвёл глаза.

— В моих записях много её.

— Да.

— Я двадцать семь лет с ней прожил.

— Да.

— Не отвечай так.

Има замолчала.

Он ненавидел, когда она без труда оставляла ему последнее слово. Аля последнее слово чаще забирала. Иногда — одно и то же, нелепое, нарочно сказанное не к месту; они могли два дня возвращать его друг другу, пока смысл окончательно не стирался и оставалось удовольствие от знакомого звука. Ни одну такую игру Натан не записал целиком. В материалах попадались середины: она смеётся, он говорит про грушу, потом долго ничего не слышно. Теперь надо было либо оставить пробел, либо придумать начало.

У двери коротко звякнул вызов.

Даниэль всё-таки поднялся и теперь стоял на пороге с той же сумкой, глядя на брюки в руках Натана.

— Я уже, — сказал Натан.

Брат прошёл на кухню, поставил сумку и вынул из неё небольшой плоский хлеб.

— Лена испекла. Сказала, раз уж мы всё равно рядом.

— Передай спасибо.

— Сам передай.

Пока Натан укладывал брюки на стул, Даниэль разглядывал серую полосу на футляре, ни о чём не спрашивая. Потом взял абрикос и потёр его большим пальцем, осматривая влажный бок. Когда-то он так выбирал камни на берегу: будто под гладкой поверхностью могло оказаться повреждение, которое увидит только он.

— Ты поедешь? — спросил брат.

— Мне надо закончить одну вещь.

— Ты вчера тоже заканчивал одну.

— Она связана с Алей.

На абрикосе, который Даниэль положил обратно, остался тёмный след от пальца.

— Я тоже был с ней знаком.

— Я знаю.

— Не похоже. Ты говоришь «Аля», и я уже не знаю, куда деваться со своей дурацкой поездкой.

Натан посмотрел на стол. Между ними лежал хлеб; по краю разошлась тонкая корочка, и крошки попадали на тёмное дерево.

— Я не могу сегодня.

— Можешь. Не хочешь.

Ему стало жарко.

— Ты понятия не имеешь, чего я хочу.

— Поэтому пришёл.

Даниэль ответил быстро, сердито, и сразу стал моложе. Натан увидел того пятнадцатилетнего мальчишку, который однажды ждал его у закрытого спортивного зала, а потом полвечера доказывал, что вообще-то ему было не нужно, просто он уже договорился. Тридцать четыре года назад брат тоже держал сумку под мышкой.

Натан протянул руку к хлебу и отломил край.

— Я не умею пока.

Даниэль втянул воздух, собираясь возразить, но лишь выдохнул через нос.

— Это я понимаю. Только я тоже не очень умею стоять под дверью.

Оставив хлеб, он взял сумку и направился к выходу, но у двери задержался.

— В четверг я уезжаю. Дня на четыре. Если захочешь увидеться до этого, позови. Я больше не стану придумывать тебе поездки.

Натан кивнул, но брат не уходил, пока не услышал ответ словами.

— Позову, — сказал Натан.

Когда дверь закрылась, он долго держал отломанный кусок, а потом съел его, уже не чувствуя вкуса.

* * *

Запись попалась ему после полудня.

Он искал материалы о людях, которые возвращались к обычной жизни после утраты. Само выражение сердило его: как будто обычная жизнь дожидалась в соседней комнате, и следовало только подобрать верный способ войти. Но другие слова давали ещё меньше.

Среди разрешённых к просмотру семейных материалов была короткая копия без звука. Никакого объяснения, только город, приблизительный год и отсылка к большому собранию, часть которого ещё нужно было получить.

Женщина сидела боком к камере. Мужчина находился ниже, на кровати или на узком диване; край не попадал в кадр. Видны были его серый рукав, щёка и правая кисть. Женщина держала эту кисть двумя руками. Сначала Натан решил, что она поправляет пальцы, помогая ухватиться. Затем увидел движение большого пальца: она раскрывала ладонь.

Мужчина отвёл лицо.

Женщина что-то достала, быстро откинулась назад и засмеялась.

На этом копия заканчивалась.

Натан снова запустил её. Одиннадцать секунд. На четвёртой женская рука заслоняла запястье мужчины. На восьмой в её пальцах мелькало круглое светлое пятно. Последние две секунды она смеялась так сильно, что нос чуть сморщился, а плечо поднялось почти к уху.

Он остановил изображение.

— Има.

Она ответила не сразу: у неё шла другая работа, о которой он обычно забывал, пока не приходилось ждать.

— Посмотри.

На столе появился небольшой знак принятого материала.

— Что ты увидела? — спросил Натан.

— Она раскрывает его ладонь. Забирает небольшой предмет. Возможно, монету. Потом смеётся.

— Ему больно.

— Он отворачивается. Лица почти нет.

Когда Натан приблизил изображение, лицо распалось на мягкие квадраты, за которыми белела подушка или сложенная ткань.

— Разве ты не можешь восстановить?

— Могу нарисовать лицо, которое сюда подходит.

— Не надо.

Он уменьшил изображение обратно.

Женщине было сорок с небольшим. Тёмные волосы стянуты слишком туго, отдельная прядь лежит вдоль виска. На запястье — резинка. Локоть просвечивал сквозь истончённый трикотаж. Натан попробовал представить её в утро этого дня: как она умывается, выбирает именно эту кофту, надевает резинку на руку, ещё не собрав волосы. Представление возникло легко и ничем ему не помогло.

— Она знает, что её снимают, — сказал он.

— В конце смотрит в сторону камеры.

— И всё равно.

Помолчав, Има спросила:

— Ты хочешь узнать, что она делает, или почему она может смеяться?

Он пересмотрел последние секунды отдельно. Женщина смеялась открыто, с облегчением, которое он ощутил почти физически. Так смеются, когда напряжение вдруг отпускает и грудь сама набирает воздух, хотя ещё мгновение назад места в ней не было.

— Второе, — сказал он.

По просьбе Имы Натан передал ей отсылку к собранию, чтобы она могла работать с его доступной частью.

— Здесь есть более позднее описание от самой женщины, — сказала она спустя некоторое время. — Но оно относится ко всей семейной подборке. Надо сначала понять, какой фрагмент она описывает.

— Как её зовут?

— В карточке Малика Юсупова. Казань. Две тысячи двадцать шестой год.

Он посмотрел на окно. Внизу уже уложили часть нового настила. Рабочий, шедший спиной вперёд, присел на корточки и пальцем проверял расстояние между досками. Всё, что Натан видел сейчас, тоже происходило в Казани. Эта простая общность места показалась ему неожиданной, словно чужая женщина жила за стеной, а двести с лишним лет можно было пройти по коридору.

— Посмотри, что было раньше, — попросил он.

— Насколько раньше?

Натан опять запустил запись. В начале ладонь мужчины уже была сжата.

— До этого.

Глава 2. Цвет прежних денег

Дербент. Октябрь 1875 года.

Лапшин высыпал корень на лист бумаги и долго перебирал, ничего не говоря. Эта привычка всегда злила Рашида. Сам он мог отличить хороший товар быстрее, но, пока другой человек молчал над его корнями, чувствовал себя мальчишкой, который принёс неправильную вещь и ждёт, когда взрослый наконец назовёт её.

В комнате было душно. Ставню открыли только сверху; полоса света пересекала стол и заканчивалась на животе приказчика. Ворот рубахи у Лапшина потемнел, хотя он с утра почти не выходил.

— Сухой, — сказал Рашид.

Лапшин переломил один корешок.

— Вижу.

— В прошлый раз ты говорил, что снизу мешки отсырели. Эти переложили.

— Вижу.

— Чего ещё высматриваешь?

Лапшин подвинул бумагу от себя.

— Сто пятьдесят за партию.

За стеной кто-то засмеялся. Смех оборвался, и Рашид услышал, как на улице скребёт по камню колесо. Повозка долго поворачивала у ворот; возчик повторял одно и то же слово, меняя только голос.

— За какую партию?

— За твою.

— За мою мы говорили двести сорок.

Рашид до сих пор стоял у стола, и Лапшину пришлось смотреть на него снизу вверх.

— Мы говорили весной.

— Корень с весны стал лучше.

— Я не говорю, что стал хуже.

Рашид взял один обломок и раздавил пальцами краешек. Пыль забила под ноготь. Утром он чистил руки щепкой, потому что не хотел входить к Лапшину с видом человека, который только что вылез из земли. За полчаса ладони снова приобрели свой обычный цвет.

— Ты прислал человека смотреть поле. Он сказал: рано, пусть ещё стоит. Я оставил. Потом ты велел суше держать. Я пересушил тебе весь двор. Теперь ты говоришь: сто пятьдесят.

— Садись.

— Я могу стоять.

Лапшин положил обе ладони на стол. На указательном пальце правой была маленькая повязка; сквозь неё проступило светлое пятнышко. Рашид вдруг подумал, что торговец, вероятно, порезался чем-нибудь глупым и теперь всё утро цепляет ранкой края бумаги.

— Можешь стоять, — согласился тот. — Цена не поднимется.

Лапшин убрал со стула чужую шапку, освобождая место Рашиду. Тот сел, придерживая колени, чтобы не задеть стол.

— Девяносто рублей куда делись?

Из небольшого плотного свёртка торговец достал две полосы красной ткани, развернув сначала наружную бумагу, потом внутреннюю. Рашид уже видел похожие образцы. С весны

ими пугали друг друга, словно по дорогам шла чужая армия, а местные всё ещё спорили, можно ли ей верить.

— Вот, — сказал Лапшин.

Рашид не взял ткань.

— Я её видел.

— Значит, видел, куда делись.

— Ты сам говорил, это ещё неизвестно что. Сегодня красное, завтра белое.

Лапшин поскрёб щёку возле уха.

— Говорил. Неправильно говорил.

Простота, с которой он это произнёс, оказалась хуже самой цены. Рашид повторял те же слова Надиру, Джамиле, человеку, который просил заранее заплатить за копку. Лапшин мог признать ошибку и остаться сидеть за своим столом. Рашиду предстояло вернуться ко всем, кто успел ему поверить.

Он всё-таки взял одну полоску. Ткань была тонкая, ровного красного цвета, с маленьким непрокрашенным местом у самой кромки. Проведя большим пальцем по ткани, он посмотрел на кожу, хотя понимал, что сейчас ничего не проверит.

— Из чего?

— Из того, чего у тебя в земле нет.

— Я спросил, из чего.

— Ализарин. Изготовленный. В городе объясняли, да я не запомнил всех слов. Покупателю-то какая разница, каким словом сделано, если ему дешевле.

Рашид положил полоску обратно.

Он выращивал корень не один год. Помнил каждое место, где вода задерживалась дольше нужного, помнил, как один раз пожалел времени и потом сам выбирал то, что пришлось бы выбросить при приёмке. У этой полоски не было его лета, его весны, его обгоревшей шеи. Её можно было принести в комнату на маленьком клочке бумаги, и она отнимала девяносто рублей.

— Продай её тому, кто хочет дёшево, — сказал он. — А мой корень продай тому, кто понимает.

Лапшин устало улыбнулся.

— Ты думаешь, я не пробовал?

Молодой помощник, вошедший из соседней комнаты, положил перед Лапшиным исписанный лист и что-то ему шепнул. Торговец прочёл, провёл ногтем под строкой и спросил, когда уходит человек, принёсший бумагу.

Рашид поднялся.

— Я приду потом.

— Не надо приходить потом. Садись. Я с тобой ещё говорю.

Помощник ушёл, притворив дверь плечом.

Лапшин подвинул образцы обратно в свёрток.

— Сто шестьдесят. Больше я сейчас не обещаю. Сорок дам вперёд. Остальное после приёмки всей партии по весу и состоянию, как записано. Если хочешь везти сам — вези. Только сначала узнай, кто тебе купит. Не по рассказу соседа.

— Ты мне указываешь, как узнавать?

— Я тебе говорю, за что готов платить я.

Рашид опустил глаза. На бумаге между ними остался кусочек корня, похожий на согнутый палец. При мысли о сорока рублях он сразу увидел Балакиши: тот стоял у полевой дороги, придерживая ремень пустой сумки. Ещё увидел Надира у открытых ворот, материнскую крышу с тёмным углом, под который всю прошлую зиму ставили миску. Деньги уже лежали в этих местах. Надо было только сходить за ними и разнести обратно.

Он попытался сосчитать разницу, не двигая губами. Восемьдесят. Хорошие восемьдесят рублей, которые он успел превратить в камень, дерево, муку и чужое обещание.

— Сегодня сорок?

Лапшин кивнул.

— Сначала напишем.

Пока помощник готовил бумагу, Рашид встал у окна. Сверху было видно море — узкая полоса между крышами и светлым небом. Утром оно казалось спокойным. Теперь по нему шла мелкая рябь. За стеклом бил крыльями голубь, пытаясь сесть на карниз.

Он подумал: можно ещё уйти. Сказать, что надо поговорить с Надиром. Они вдвоём решат, повезут часть сами, найдут другого покупателя. Но тогда Лапшин уберёт сорок обратно, а Балакиши вечером опять спросит при остальных, когда начинать и чем он будет платить людям.

Помощник позвал его к столу.

Надир, учившийся в уездном училище, когда-то помог ему освоить русскую грамоту. Торговые бумаги Рашид теперь читал сам, но длинные слова всё ещё хотелось проверить по слогам. Дойдя до строки об окончательном расчёте, он задержался.

— Ты уже видел товар.

— Видел часть и образец. Влажное и постороннее примешанное не приму. Это было и раньше.

Рашид посмотрел на него.

— Я не мешаю постороннего.

— Условие обычное. Я его не вычеркну.

Сорок рублей поместились в небольшой свёрток. Рашид сунул его за пояс под одежду, но, выходя, придержал ладонью. Ему казалось, что деньги заметны каждому встречному, и одновременно хотелось всем показывать: видите, я получил, всё у нас идёт.

У ворот его ждал Надир.

Он сидел на низком камне, вытянув ноги, и ковырял носком башмака засохшую грязь. Увидев Рашида, встал так быстро, словно всё это время только собирался сесть.

— Ну?

Рашид поправил край одежды.

— Сорок дал.

Надир улыбнулся.

— Сразу?

— Сразу.

— Значит, не зря мы ему двор корнем застелили. Я говорил, этот ещё берёт. Другие только нюхают.

Надир зашагал рядом и начал рассказывать о людях на копку. Двоих пришлось заменить: одному нужен был расчёт каждый вечер, второй хотел привести сына, который ещё не выдерживал полного дня. Балакиши обещал найти третьего. Если завтра закончится мелкая работа у соседа, можно начинать.

Рашид слушал и отвечал там, где от него ждали ответа. На перекрёстке им пришлось разойтись перед навьюченным животным; Надир оказался с другой стороны, продолжал говорить через поклажу и рассмеялся, когда не расслышал сам себя.

— Остальные когда? — крикнул Надир.

— После приёмки.

— Опять всё на их весах перевешивать?

— Всё.

Надир выругался на привычную подозрительность покупателей и свернул к своей улице. У него болел зуб. Он ещё утром говорил, что вечером пойдёт искать человека, который согла-

сится посмотреть, и теперь поднял руку к щеке, как будто уже представлял чужие пальцы у себя во рту.

Рашид смотрел ему вслед, пока между ними не прошла женщина с корзиной.

* * *

Джамиля распорол старую подушку прямо во дворе. Шерсть лежала на ткани двумя кучами. Муса пытался соединить их, волоча по земле пучок величиной с собственную голову; каждый раз, когда мать отворачивалась, его работа продвигалась ещё на ладонь.

— Верни, — сказала Джамиля, не поднимая глаз.

Муса замер.

— Я не трогаю.

— Тогда положи то, что не трогаешь.

Сафия засмеялась с порога. Рашид ощутил короткую благодарность к дочери: во дворе всё было так, как должно было быть, и никто не знал, что он принёс сюда вместе с деньгами.

Он снял обувь, сел на низкую ступень. В узкой щели между камнями росло что-то зелёное. Утром не заметил; теперь попробовал выдернуть и только оборвал верх.

— Получил? — спросила Джамиля.

Он вынул свёрток.

Она отложила иглу, вытерла пальцы о край ткани и пересчитала сама. Рашид сделал вид, что занят узелком на обуви. Раньше его раздражала её привычка пересчитывать принесённое. Сегодня он был рад, что сорок и у неё получатся сорока.

— Это вперёд?

— Да.

— Кому раздаём?

Он назвал часть ближайших расходов. Джамиля отделила деньги на завтрашнюю работу, остальные вернула ему.

— Матери за крышу обещал?

— Я помню.

— Она тоже.

Рашид убрал свёрток. Хотел сказать, что без него здесь никто не помнил бы ни о крыше, ни о хлебе, но Муса как раз рухнул боком в шерсть, запутался и поднял возмущённый вой. Он словно надеялся, что сам звук докажет полную непричастность к случившемуся.

Джамиля вытащила его за локоть. Сафия смеялась уже без удержу. Рашид потянул сына к себе, выбрал из волос длинную серую нить. Мальчик сопел и пытался придержать рукой остаток пучка: даже сейчас ему не хотелось отдать всё.

— Что строил?

— Ничего.

— Такое большое ничего.

Муса вытер нос рукавом и посмотрел на сестру.

— Она первая.

Сафия тут же перестала смеяться.

— Я не первая. Я даже не подходила.

Чтобы не слушать их спор, Рашид поднял с земли маленький гладкий камешек, зажал в ладони и показал детям кулак.

— Кому нужен?

Муса потянулся обеими руками. Сафия отвела брата плечом.

— По очереди.

Она села рядом с отцом, взяла его руку, внимательно осмотрела костяшки. Он чуть раздвинул пальцы. Дочь немедленно подняла глаза.

— Не помогай.

Рашид снова сжал ладонь.

Начав, как всегда, с мизинца, она упёрлась босой ступнёй в камень и потянула, щурясь и высовывая кончик языка. Он чувствовал её тонкие пальцы на своей сухой коже и думал, что мог бы держать этот камешек до вечера. Само знание силы доставляло ему здесь удовольствие, которого давно не было в разговорах со взрослыми.

Сафия зацепила ногтем складку у основания пальца.

— Больно, — сказал он.

— Значит, отдай.

— Так нельзя.

— Ты сам сказал: достань.

Джамиля, не прекращая работать, усмехнулась.

Рашид вывернул руку так, чтобы дочь потеряла опору. Она сердито поправилась и взялась снова. Муса тоже тянулся к кулаку, но сестра отгоняла его локтем. Все трое дышали близко друг к другу; от волос сына пахло пылью и тем кислым молоком, которое он пролил за обедом.

Наконец Рашид чуть ослабил большой палец, стараясь сделать это незаметно.

Сафия заметила.

Она отпустила его руку и встала.

— Я сказала, не помогай.

— Ты почти сама.

— Значит, не сама.

Рашид открыл ладонь. Камешек остался лежать посередине, круглый и совершенно никому теперь не нужный. Муса забрал его немедленно. Сестра ушла в дом, громче обычного ступая по порогу.

Джамиля вытряхнула из старой ткани последние клочки и посмотрела на мужа.

— Она же просила не поддаваться.

— Ей бы только выиграть.

— Если бы только выиграть, сидела бы довольная.

Рашид поднялся. На колене осталась полоска красной пыли от собственного запястья. Он смахнул её, но полоса только расширилась.

— Лапшин чего-нибудь нового говорил? — спросила Джамиля.

Он нагнулся за обувью.

— Всё про свою краску.

— А цену оставил?

Рашид выпрямился. В доме Сафия что-то переставляла; деревянная вещь дважды стукнула о пол.

— Нам хватит, — сказал он.

Джамиля перестала выбирать шерсть и теперь держала небольшой пучок на раскрытой ладони, будто тоже предлагала ему забрать.

— Я не это спросила.

Глава 3. До половины второго

Казань. Февраль 2026 года.

Павел не узнавал собственных брюк.

— Они не мои, — сказал он.

Малика посмотрела на нашивку возле кармана. Нашивку она помнила лучше, чем фирму: маленькая коричневая полоска, один край которой отстал после первой стирки. Павел отказывался срезать её, потому что под ней оставались две дырочки.

— Твои.

— Мои были нормальные.

Она собиралась посоветовать ему затянуть пояс, но он уже сам продел тонкий ремень в шлёвки. Конец оказался слишком длинным, вылезал из-под кармана и мешал. Павел отвёл его в сторону с таким отвращением, будто вещь специально плохо работала.

— В этих дома удобнее, — сказала Малика, подавая ему другие.

— Я знаю, в чём дома удобнее.

На кровати лежали три пары. Он достал их, пока она была в душе, и теперь от одной этой самостоятельности обоим предстояла лишняя работа. Малика подняла с пола рубашку. В нагрудном кармане хрустнул чек.

— Ты куда собрался?

— Приедет Сашка. Потом эта, по уходу.

— Вера.

— Вера. Не хочу весь день в пижаме.

Пижамой он называл любую одежду, которую Малика покупала специально для дома. Даже новую серую футболку, почти такую же, как те, в которых он раньше ездил на объекты.

Она положила рубашку рядом с ним, воротником к спинке кровати, как он любил. До болезни Павел одевался стоя и выбирал рубашки, которые меньше надо гладить. Теперь мог полчаса добиваться, чтобы всё лежало в правильном порядке. Она научилась этому порядку быстрее, чем он успел его придумать, и иногда от этого сердилась.

— Помочь?

— С носком потом.

Малика вернулась на кухню.

Там её ждал чужой стол, вернее, описание стола: семьдесят две строки, переведённые вчера с турецкого. Заказчик прислал поправки ночью и хотел получить ответ до половины второго. В первой же строке он заменил «устойчивое к истиранию покрытие» на «неистираемое». Ещё ему не нравилось слово «ограничения».

Малика открыла исходный файл, письмо, фотографии столешницы и собственный вчерашний комментарий. Телефон напомнил об оплате квартиры.

Она сначала перевела деньги, потом вернулась к столу.

На аватарке хозяйки квартиры была собака в красном свитере. Четыре месяца Малика платила этой собаке почти треть того, что зарабатывала. Иногда — больше, если заказов было мало. Из всех людей, с которыми приходилось объясняться в последнее время, хозяйка оказалась самой нетребовательной. Она только спрашивала, не течёт ли на кухне кран. Малика отвечала, что не течёт. Они обе были довольны.

За стеной шуршала одежда.

— Малик.

— Сейчас.

Она успела написать: «Замену согласовать не могу: в оригинале нет обещания...», но, перечитав, стёрла начало и заменила его на «Такая замена меняет...».

— Малик, не срочно.

От этого она всё равно встала.

Павел сидел уже в серых брюках. Один носок был надет, второй он держал за резинку. На лице появилась испарина.

Она опустилась перед ним, придержала пятку. Стопа была тёплая, обыкновенная. У основания большого пальца оставался шрам: много лет назад на него упала металлическая дверца. Павел тогда привёз её домой, собирался сдать вместе с прочим железом, а после травмы отвёз обратно на объект — назло, как говорил. Вечером они смеялись, что дверца отвоевала свою квартиру.

Малика натянула носок и разгладила складку.

— Ты ногти коротко стрижёшь, — сказал он.

— У тебя?

— У себя. Раньше цеплялись.

Она посмотрела на собственные пальцы. Ей казалось, что раньше было что-то одно, большое: поездки, работа, их ссоры, кино в будний день. Оказалось, там ещё находились ногти.

— Отращу, — сказала она.

— Я не требую. Просто заметил.

Она помогла ему перебраться в кресло возле окна. Между креслом и кроватью стоял стул, на который Павел прежде клал вещи. Теперь стул приходилось отодвигать каждый раз. По совету Веры стул однажды убрали совсем, с согласия Павла, но ночью он попросил подать с него рубашку — и стул вернулся.

— Вера к одиннадцати? — спросил он.

— Да.

— А ты?

— Мне надо закончить перевод. Я посижу на кухне. Потом схожу.

— К себе?

— Да.

Он кивнул. Она ждала продолжения — и, когда его не было, почувствовала себя глупо. Будто сама принесла в комнату спор и теперь не знала, куда его поставить.

Павел взял телефон. Там было голосовое сообщение от человека, которого он называл Костя-потолок. Малика никогда не встречалась с Костей и не знала, как он записан у других людей.

— Послушай, — сказал Павел.

Костя жаловался, что заказчик хочет закончить ремонт к приезду тёщи, но не может назвать дату приезда.

— Тёща должна сначала проверить авиабилеты, — сказала Малика.

— Тёща должна сначала проверить, хочет ли к нему лететь.

Павел нажал запись и заговорил деловым голосом, который в квартире почти исчез:

— Костян, ты на тёщу не подписывайся. Ты подпишись на потолок.

В кухне Малика закрыла дверь.

За следующие сорок минут она вернула столешнице способность изнашиваться, выяснила, что на фотографии изображена старая модель, и объяснила, почему «лёгкая сборка» не означает, что у покупателя не будет ни одного винта. Заказчик ответил весёлым голосом: «Вы очень серьёзно всё воспринимаете». Она прослушала начало, увидела, что дальше ещё минута, и выключила.

Пока открывался очередной файл, позвонила Нелли.

— Ты можешь говорить?

— Могу. Если не надо никуда записаться.

— Мне как раз надо тебя записать.

Малика отодвинула чашку от клавиатуры.

— Куда?

— В Нижний Новгород. На три дня. Конец марта. Переговоры на мебельном производстве, турки приезжают. Наши берут часть комплектующих, хотят расширять заказ. Нужен нормальный переводчик. Я дала твой номер, но сказала сначала мне позвонить.

— На три дня с дорогой?

— Четыре с дорогой. Три рабочих.

— Тогда не на три.

— Вот за это тебя и надо брать.

Нелли назвала сумму. Малика не сразу ответила.

— Это вместе с гостиницей?

— Гостиница отдельно. Проезд тоже. Не надо из своих. И я там буду, не совсем чужая компания.

Из комнаты донёсся смех Павла: Костя, видимо, ответил.

— У меня сейчас... — начала Малика.

— Я знаю.

— Ты не знаешь, как будет в конце марта.

— Не знаю. Ты тоже. Они не просят обещать, что земной шар не взорвётся. Спрашивают, можешь ли в принципе. Если нет, начнут искать дальше.

Малика взяла ручку и написала даты прямо на распечатке. Чернила легли поперёк фотографии стола. Она обвела первую цифру, проверяя, пишет ли ручка, хотя цифра и так получилась хорошо.

— До когда ответить?

— До завтра. Предварительно. Потом договор. Я тебе условия перешлю, почитай сама.

— Перешли.

— А ты выйдешь сегодня?

— К себе собиралась. Там кое-что забрать.

— Я буду недалеко. Привезу тебе сапоги.

— Какие сапоги?

— Которые ты у меня оставила в ноябре, когда переобулась в ботинки.

Малика совсем забыла о сапогах. Нелли купила их вместе с ней, заставила пройти по магазину, проверила, не жмут ли. С тех пор в памяти осталась только необходимость куда-то ехать после магазина.

— Они мне, наверное, не нужны.

— Мне тем более. У тебя нога меньше.

Вера пришла в десять пятьдесят восемь. Малика любила её за эти две минуты. Не потому, что сама торопилась, а потому, что в доме было много вещей, которые происходили приблизительно: скоро станет полегче, позже перезвоним, немного подождите. Вера приходила в определённое время и сразу спрашивала Павла, как он хотел бы устроить следующие несколько часов.

Сегодня он хотел помыться.

Малика остановилась в дверях.

— Мы же вечером собирались.

— А я сейчас хочу.

Вера поставила сумку на свободный край стула.

— Сейчас удобнее? Тогда сейчас и сделаем.

Малика показала, где чистое полотенце, хотя Вера уже знала, и без всякой просьбы достала ещё одно, маленькое. Павел посмотрел на эти приготовления и сказал:

— Иди стол свой переводы. А то его без тебя сотрут.

Она рассмеялась. Он слышал вчерашний разговор с заказчиком — и не подал виду.

На кухне Малика перечитала письмо Нелли. Три рабочих дня, предварительный список тем, имена участников. Под словом «проживание» стояло название гостиницы, которое пока ничего ей не говорило. Она открыла несколько фотографий. На одной у окна стояло синее кресло. На другой — такое же, только снятое с противоположной стороны.

Малика задержалась на белом прямоугольнике кровати.

Ей было стыдно, что она смотрит гостиницу раньше, чем условия работы. Она закрыла фотографии и принялась за список тем, однако через минуту снова смотрела на снимок кровати. Представляла, как ляжет, не прислушиваясь к другой комнате, и будет спать до будильника.

В прихожей загремели ключи.

— Мам, это я!

Саша вошла с пакетом и сняла шапку, отчего волосы встали дыбом. Войдя на кухню, она притворила за собой дверь и шёпотом спросила:

— Как он?

— Моется.

— Сам?

— С Верой.

Вынимая из пакета две коробки пирожных, Саша кивнула с таким облегчением, словно дома в её отсутствие случилось что-то хорошее.

— Зачем столько?

— Одни папе, другие нам. Те, которые ему нравятся.

— Ему нравятся вот эти.

— Нет. Он всегда покупал такие.

Малика повернула коробку, прочитала наклейку.

— Такие тебе нравились. Он тебе их покупал.

Саша поглядела на обе коробки, потом сунула их в холодильник.

— Всё равно съедим.

На ней был Павлов старый свитер, который она надела ещё осенью, впервые приехав после больницы, да так и не вернула. Широкий свитер выглядел модной вещью, хотя на Павле был просто растянутым. Малика подумала, что дочери удивительно идёт чужая одежда. Свою Саша выбирала хуже и всё время покупала что-нибудь колючее.

— Ты надолго? — спросила Малика.

— До четырёх. Потом надо на встречу.

— Что за встреча?

— По проекту. Я говорила.

— Ты много говорила.

— Мы делаем интервью с жителями. Для курса. Я тебе рассказывала, про остановки и как люди ездят.

Малика вспомнила: Саша хотела снимать тех, кто каждый день добирается через полгорода, и преподаватель требовал сузить вопрос. Однажды Малика предложила поговорить с теми, кто работает в ночную смену. Дочь обиделась, будто мать забрала у неё идею, которую она сама ещё не успела придумать.

— Хорошо, — сказала Малика. — Я уйду, когда Вера освободится. К трём вернусь.

Саша оглядела стол, заметила распечатку с датами.

— Ты куда-то едешь?

— Предлагают работу. Ещё не решила.

— Далеко?

— В Нижний. В конце марта.

— А папа?

Малика почувствовала, как у неё стянуло кожу возле рта.

— Поэтому и не решила.

Саша присела на край табурета.

— Я просто спросила.

— Я ответила.

Они помолчали. На ноутбуке висело последнее замечание заказчика: «Пусть будет, как вы считаете». После всего утра это выглядело почти щедростью.

— Я могу часть времени быть здесь, — сказала Саша. — Только надо заранее. И у меня в конце марта сдача.

Малика разжала пальцы, которыми сдавливала колпачок ручки.

— Пока ничего не надо обещать. Я ещё даже с ними не говорила.

— Но ты же хочешь?

— Хочу.

Саша посмотрела на неё, и Малика пожалела, что не добавила что-нибудь про деньги. Это было бы правдой: деньги были нужны. Но первым она успела представить не платёж за квартиру, а белую кровать.

Из коридора позвала Вера. Малика встала, но Саша поднялась быстрее.

— Я.

Через несколько минут они с отцом спорили о пирожных. Павел утверждал, что дочь всю жизнь заставляла его есть неправильные, дочь требовала указать хотя бы один случай, когда он отказался. Потом Саша заглянула на кухню за тарелками.

— Тебе оставить?

— Одно.

— Какое?

— Неправильное.

В половине второго Малика отправила перевод и вскоре начала одеваться.

Павел сидел в кресле с влажными волосами. Саша показывала ему на телефоне, как выглядит длинный проходной двор, в котором собиралась снимать. Вера уже ушла. На стуле лежало сложенное полотенце, и Малика машинально взяла его, чтобы отнести в ванную.

— Ты же уходишь, — сказал Павел.

— Заодно.

— Положи. Отнесём.

Она вернула полотенце на стул.

— Что купить?

— Ничего.

— Хлеб есть?

— Малик.

Она посмотрела на него.

— Сходи, — сказал Павел.

Саша не поднимала глаз от телефона. Малика поцеловала мужа в висок. Кожа после мытья была чуть прохладная, волосы пахли шампунем, который она сама давно не замечала.

В подъезде стояла женщина с детскими санками и пыталась одновременно застегнуть ребёнку варежку и удержать дверь. Малика придержала дверь. Ребёнок сопротивлялся, выворачивал руку и говорил: «Сам, сам». Женщина не слышала, потому что объясняла ему, как холодно на улице.

На улице и вправду было холодно. Малика нашла в кармане перчатки, надела их и только тогда заметила, что дышит открытым ртом. Когда она закрыла рот и вдохнула носом, морозный воздух защипал внутри.

До её квартиры можно было дойти пешком. Она знала путь по минутам: сначала участок вдоль дороги, потом поворот, на котором всегда плохо убирали снег, потом маленький магазин. Когда снимала жильё, близость казалась главным недостатком. Теперь без неё, вероятно, пришлось бы отказаться от квартиры совсем.

Возле подъезда Нелли пыталась достать телефон, удерживая под мышкой коробку с сапогами.

— Я сама открою, — сказала Малика.

Ключ пошёл туго. Она повернула его обратно и попробовала ещё раз. Нелли ничего не посоветовала, за что Малика была ей благодарна.

В квартире пахло сухим тёплым воздухом и упаковочным картоном. На полу оставалась разобранная этажерка. Малика собиралась собрать её в воскресенье — в какое-то из воскресений, давно потерявших номера.

— Вот сюда, — сказала она про сапоги.

Поставив коробку, Нелли прошла на кухню попить. Дождалась, пока из крана пойдёт холодная вода, и выпила из ладони.

— Стаканы в шкафу.

— Уже поздно. Я приобщила к природе.

Малика засмеялась и вдруг не смогла сразу перестать. Нелли стояла с мокрой рукой, тоже улыбалась, но понемногу всё осторожнее.

— Я не настолько смешная, — сказала она наконец.

— Знаю.

Малика попыталась вытереть глаза перчаткой, но от шерсти стало ещё мокрее.

Нелли подошла и обняла её поверх пальто. От неё пахло морозом и чужим автомобилем. Некоторое время они так стояли. Потом Малика отстранилась.

— Я не плачу.

— Я вижу.

— Нет, ты сейчас подумаешь, что я всё время так.

— Я думаю, что мне жарко. Давай разденемся.

Они сняли пальто. Нелли подобрала с пола две перекладины этажерки, приложила одну к другой и спросила, где крепёж.

— Не надо, — сказала Малика. — У меня мало времени.

— Тем более. Пока будешь искать, что хотела забрать, я посмотрю, как это собирается.

Малика принесла пакетик с винтами. Нелли высыпала их в блюдо, которое хозяйка оставила вместе с остальной посудой.

— Ты что забираешь?

— Наушники. И зелёную папку.

И наушники, и зелёная папка лежали там, где Малика их оставила, так что поиски заняли меньше минуты.

Она положила обе вещи возле сумки и села на пол рядом с Нелли.

Инструкция обещала лёгкую сборку.

— Давай сюда, — сказала Малика. — Я сегодня специалист.

Они перевернули первую полку, и из неё высыпался плоский картонный уголок. Нелли удерживала боковины, Малика закручивала винт. Отвёртка соскальзывала, приходилось начинать снова. Полка всякий раз уходила набок.

— Крепче, — сказала Малика.

— Я и так держу.

— Вот здесь.

Когда Нелли передвинула руку, винт наконец вошёл ровно.

Через двадцать минут они поставили этажерку на место. Та немного качалась, если её тронуть, но Малика решила пока оставить как есть. На верхнюю полку она поставила единственную книгу, которую успела привезти осенью, и пустую синюю чашку. На нижнюю — сапоги в коробке.

Потом сфотографировала получившееся.

Она уже открыла переписку с Павлом, когда остановилась. Хотела отправить фотографию, услышать, что нижнюю полку надо было развернуть и что вообще он собрал бы за пять минут. Он так и сказал бы. Ей захотелось этого с такой силой, что стало больно в горле.

Но жаловаться ему на полку в квартире, из которой она не собиралась возвращаться к нему насовсем, казалось нечестным.

Малика закрыла переписку и убрала телефон.

— Получилось? — спросила Нелли.

— Да.

Глава 4. Приглашение

Казань. 2257 год.

На следующий день Натан всё-таки поблагодарил Лену за хлеб. Она ответила фотографией ещё трёх: лежали на решётке, сверху почти одинаковые, снизу один подгорел. Под фотографией было написано: «Тебе достался лучший. Даня выбирал».

Он увеличил снимок, словно по корочке можно было определить, сколько времени брат потратил на выбор.

От самого Даниэля сообщений не было.

Натан решил позвать обоих на ужин до отъезда. Перечитав своё «Если вы не заняты», он стёр эти слова и написал: «Приходите завтра». Этого оказалось достаточно, но отправить два слова было почему-то труднее, чем длинное объяснение.

В кухне стоял открытый контейнер. Он велел домашней системе подготовить продукты на троих и теперь смотрел на них с удивлением человека, которому принесли заказ соседнего стола. Система выбрала еду по последним совместным ужинам. В списке было то, что любила Аля, и то, что любил Даниэль, и ещё блюдо, которое никто особенно не любил, но каждый раз заказывали, потому что оно уже стояло в прежнем списке.

Натан отменил это блюдо и закрыл список, не выбирая замены.

Утром он час просидел за работой. Натан просмотрел две речевые среды, которые заканчивали без него. Одна предназначалась для большого жилого дома: там жили люди, привыкшие к разным языкам и разным способам присутствия. Кому-то было нужно, чтобы комната отвечала вслух; кто-то слышал только направленный к нему голос; один из жильцов вообще не хотел, чтобы к нему обращались прежде, чем он сам позовёт. В общем помещении эти привычки сталкивались. Натан когда-то умел находить такие столкновения раньше жалоб.

Теперь он поймал себя на том, что третий раз слушает один и тот же переход. Система вежливо обращалась к человеку, который только что отказался от обращения. Натан отметил место, написал короткое замечание и отправил коллеге. Через минуту пришло: «Уже поправили. Ты открыл позавчерашнее».

Он почувствовал благодарность за то, что в ответе не было ни одного осторожного слова.

Снова усевшись за работу, он открыл нужную версию и за двадцать минут нашёл другую ошибку, настоящую. Этой находке он почти обрадовался. В этом месте голос, пытаясь не мешать, уходил так далеко от собеседника, что пожилой жилец каждый раз поворачивал голову к стене. На пробе человек пожаловался на шею, а слушавшие решили, что он рассказывает о здоровье. Натан пометил три его движения и вернул голос ближе. При проверке с соседнего места оказалось, что теперь чужие реплики слышала женщина, попросившая тишины. Пришлось заново разделить звук над столом: оставить общий голос в середине, а личный направить к человеку так, чтобы тому не приходилось поворачивать голову.

Потом подумал, что надо показать Але.

Мысль была совершенно обычная. Она возникла раньше всех остальных обстоятельств, как желание обернуться, когда кто-то произнёс твоё имя. Натан успел даже потянуться к футляру.

Он остановил руку, но не убрал.

Модель включилась со вчерашними настройками. Он оставил голос, сократил самостоятельные реплики и открыл для неё выбранную рабочую запись. Серый картон на краю футляра чуть отогнулся; полоска света падала на стол.

— Посмотри, — сказал Натан.

Прозвучали два фрагмента. В первом голос жилой комнаты уходил к дальней стене, человек за столом оборачивался и трогал шею. Во втором звук оставался рядом.

— Во втором он перестал искать, где ты стоишь, — сказала модель.

Натан улыбнулся.

— Меня там нет.

— Для него есть кто-то, кто говорит.

Так отвечала и настоящая Аля. Она терпеть не могла его привычку прятать живой разговор за словами о пространстве, параметрах, расположении источника. Он мог объяснять, почему людям неудобно, а она спрашивала: «Почему ты заставил его крутить головой?» Иногда Натан сердился на эту простоту. Иногда благодаря ей переделывал всё.

— Ты бы сказала: нечего мучить человека, — произнёс он.

— Нечего мучить человека.

Он неожиданно для себя коротко рассмеялся.

Модель не засмеялась вслед. Натан ещё вчера убрал из настроек автоматическое присоединение к его смеху, и теперь отсутствие реакции показалось удивительно верным. Аля могла сделать замечание и не считать его шуткой, сколько бы он ни веселился.

Он запустил первый фрагмент ещё раз.

— Я его нашёл.

— Да.

— Сам. Они пропустили.

— Тебе было важно это увидеть.

Ему стало неприятно.

— Не объясняй меня.

— Хорошо.

Натан закрыл рабочую запись. За несколько минут ему удалось и показать жене хорошую находку, и поспорить из-за её ответа. В этом было столько привычного, что он не хотел сейчас разбирать, кто именно успел с кем поспорить.

— Я хочу позвать Даню, — сказал он.

— На завтра?

— Откуда ты знаешь?

— Ты открыл приглашение вместе с записью.

В углу общего рабочего поля всё ещё стояли два слова, о которых он забыл.

— Да. На завтра.

— Позови.

— Он сердится.

Модель не ответила. Натан видел знак ожидания: ей не хватало материала. Это можно было принять за такт, за нежелание вмешиваться. Вместо этого он открыл вчерашний разговор, ту его часть, которую сохранила связь до прихода брата, и собственную короткую заметку о том, что случилось в квартире. Заметку он сделал ночью, когда не мог уснуть.

«Даня хочет, чтобы я уже жил как раньше», — было написано в первой строке.

Модель прочла.

— Он хочет увидеть тебя, — сказала она.

— Я понимаю.

— Тогда позови.

Это был хороший ответ. Натан не мог бы указать в нём ни одного неправильного слова.

Он открыл запись голоса и произнёс:

— Даня, приходите завтра с Леной. К семи. Я кое-что приготовлю. Сам.

Последнее слово прозвучало слишком торжественно. Он записал ещё раз, убрал его, но теперь приглашение стало похоже на сообщение по работе.

Аля прежде всегда добавляла что-нибудь такое, из-за чего люди переставали чувствовать, что их официально приглашают. «Только не приносите свою страшную капусту». Или: «Приходите пораньше, он опять готовит». Даже когда ужин вполне удался бы без помощи гостей.

— Скажи про капусту, — попросил он.

— Как в прежнем приглашении?

— Да.

Он нашёл запись. Там были все четверо, за столом, много постороннего звука; голос Али поднимался над смехом: «Лена, в следующий раз без этой капусты. Я не могу её больше хвалить».

Натан прослушал фразу дважды. Модель повторила её с немного другой интонацией. Он попросил короче.

— Только без вашей страшной капусты, — сказала она.

Теперь было почти как надо. Он соединил две записи: своё приглашение и её шутку. Послушал целиком. Улыбнулся. Отправил.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом сообщение отметилось прочитанным.

Натан встал, открыл контейнер с продуктами и начал выкладывать то, что следовало убрать в холодильник. Упаковки сами показывали, где лежать каждой; он всё равно читал и переставлял, будто морковь не на своём месте могла испортить завтрашний вечер.

Ответ пришёл, когда он держал в руках широкий лоток.

«Это что?»

Натан поставил лоток на стол.

«Я собрал голос. Помнишь, она говорила?»

Даниэль позвонил сразу.

На изображении за его спиной двигались полосы чужого сада. Он ехал в открытой части городского транспорта, сидел боком к проходу, и Натан с облегчением увидел, что брат не дома. Значит, Лена ещё не слышала.

— Ты откуда это взял? — спросил Даниэль.

— Из наших записей. Шутка настоящая.

— Я спрашиваю, она это говорила или ты сделал?

— Именно так — сделал. Но она...

— Зачем ты мне это прислал?

Натан посмотрел на открытый контейнер.

— Позвать вас хотел.

Даниэль закрыл глаза. Ветер шевелил ворот его куртки.

— Ты мог позвать сам.

— Я и позвал сам.

— А потом она.

Натан хотел поправить его: Аля никого не звала, только добавила знакомую шутку, а брат сам приписывает нескольким секундам больше, чем в них есть. Но вслух это прозвучало бы так, словно Даниэль неправильно услышал то, ради чего Натан как раз и делал запись.

— Прости, — сказал он.

Брат отвернулся от ветра.

— Я открываю твоё сообщение, думаю: наконец-то. Слышу её. И эти две секунды... Ты предупреждай хотя бы.

— Предупрежу.

— Нет. Не присылай мне так. Я не хочу сейчас.

Натан кивнул.

— Хорошо.

— Мы придём, — сказал Даниэль после паузы. — Если ты нас зовёшь.

— Я зову.

— Тогда до завтра.

После окончания разговора Натан остался у стола. Приглашение всё ещё можно было прослушать, и он зачем-то прослушал его снова. Его собственный голос был напряжённым, неловким. Её — лёгким.

Он удалил соединённую запись из заготовок, оставив исходный семейный фрагмент. В переписке она уже была; забрать услышанное у брата не получалось.

Футляр продолжал светиться.

— Не надо было? — спросил Натан.

Модель ответила не сразу:

— По его реакции — не надо.

Он выключил её прежде, чем она добавила что-нибудь ещё.

* * *

Има вернулась к нему ближе к вечеру. Маленький источник звука опустился на свободное место возле окна. Натан убрал с подоконника старую Алину кофту: утром перенёс туда, когда раскладывал продукты, и теперь не мог вспомнить зачем.

— Есть ещё одна запись с похожим движением, — сказала Има.

Он увидел девочку. Та держала взрослого мужчину за руку и, высунув язык от усердия, пыталась разжать ему пальцы. Мужчина сидел на полу, свободной рукой придерживал коробку с игрушками. Вне кадра смеялась женщина. Потом он раскрывал ладонь, и девочка торжествующе поднимала круглый предмет.

Мужчину Натан узнал не сразу. На первой короткой копии почти не было лица; здесь он смотрел прямо в камеру. Другой вес, другие волосы, но та же линия щеки.

— Это он?

— По подписи и соседним материалам — Павел Соколов. Девочка названа Сашей. Вероятно, Александра из семейной описи. Эта запись значительно раньше той, которую ты прислал.

— Играют.

— Да.

Натан посмотрел, как девочка снова требует сжать кулак. Мужчина послушно закрывает ладонь, на этот раз спрятав предмет в другой руке, а девочка обнаруживает обман и хлопает его по колену.

— Она потом делает с ним то же самое, — сказал Натан.

— Это объяснение стало правдоподобнее. Но полной поздней записи у меня пока нет. Я запросила её по исходной описи, вместе с описанием Малики.

Он откинулся на спинку стула. Ему хотелось испытать облегчение: вот и всё, они играли, никто никого не мучил. Вместо этого он почувствовал досаду на собственную поспешность — и почти сразу нашёл, чем защититься.

— Здесь он здоровый.

— Да.

— В другом видео она смеётся, потому что он больше не может удержать.

— Ты добавил причину.

Натан посмотрел на чёрный футляр. Утром он тоже знал причину чужого будущего смеха. Лена услышит знакомую шутку и засмеётся; Даня поймёт, что его ждут. Всё было так ясно до того, как он отправил запись.

— Может быть, — сказал он.

Има убрала большой кадр, оставив рядом два фрагмента: взрослую и детскую ладони на одной записи, две взрослые на другой.

— У Малики есть рассказ об этой игре. Я нашла упоминание в расшифровке, ещё не сопоставила с изображением. Она говорит о своей бабушке и о человеке, который торговал корнем для краски. Имя Рашид. Дербент.

— Какое это имеет отношение к Павлу?

— Через неё. Но я пока не знаю, сколько в рассказе осталось от того человека.

— Ты хочешь узнать?

— Да.

Впервые за весь разговор Натан услышал ответ, который не был предложением помочь ему.

Он повернул к ней стул.

— А если выяснится, что они просто играли? Что всю причину можно объяснить двумя словами?

— Тогда я продолжу про Рашида. Ты можешь больше не смотреть.

Натан какое-то время молчал. За окном укладывали последнюю секцию настила. На новом дереве уже проступали следы обуви, и ровный чистый участок выглядел не так торжественно, как вчера.

— Я буду смотреть, — сказал он.

Потом вернулся к приглашению и написал Лене сам: «Завтра к семи. Даня сказал, что вы придёте. Спасибо за хлеб».

Она ответила: «Капусту не принесём».

Натан не знал, слышала ли она уже запись, и не стал спрашивать.

Глава 5. Из того, что есть

Дербент. Октябрь 1875 года.

Не повторяя вопроса, Джамиля завернула шерсть в ткань и велела Сафии занести узел в дом. Пока дочь волокла его через порог, Рашид сидел на ступени и ковырял ремешок обуви.

— Сто шестьдесят, — сказал он наконец.

Джамиля остановилась посреди двора.

— С теми, что ты принёс?

— С ними.

Она пересчитала разницу дважды, во второй раз учтя расходы, о которых он говорил летом.

— Ты Надиру сказал?

Рашид опустил голову.

Этого ответа ей хватило. Она перенесла низкий стул под навес, подальше от двери, и села напротив мужа.

— Почему не сказал?

— Я сначала хотел сам понять.

— Ты подписал?

— Да.

Джамиля прижала ладонь к колену. У неё на пальце остался волосок шерсти, который не удавалось стряхнуть. Она поплюнула палец другой руки и сняла им шерстинку.

— Значит, понял.

Рашид посмотрел на неё сердито, но без прежней готовности отвечать. Таким он бывал после тяжёлой работы, когда от него требовали ещё вынести воду или пойти за забытым. Джамиля хорошо знала это выражение и обычно уступала ему немного времени. Сейчас времени не хотелось уступать.

— Я узнаю ещё в одном месте, — сказал он. — Не весь корень там лежит. Можно часть отдельно.

— А эти сорок?

— Вернём за ту часть, которую не отдадим. Скажу ему.

— Сначала скажи.

— Я знаю.

Она замолчала. За стеной стукнули ворота, потом кто-то долго подзывал животное, которого не было видно. Там всё шло своим чередом, и от этого Джамиле становилось обидно. Ей хотелось, чтобы недостаток восьмидесяти рублей как-нибудь отразился на погоде или на голосах за стеной. Тогда не пришлось бы держать его одной головой.

— Матери крышу всё равно надо, — сказала она.

— Я знаю.

— До дождей.

— Джамиля.

— Я не про то, что ты забыл.

Когда он потёр лицо ладонями, на щеке осталась красная пыль. Ей хотелось стереть её, но она не подняла руки.

— Восемь отложи ей, — сказал он. — Я вечером отнесу. Или завтра.

— Отнеси сегодня.

Он кивнул и вернул ей свёрток. Джамиля отсчитала из него восемь рублей и положила рядом с двенадцатью, которые уже отложила для ближайшей работы: надо было заплатить за доставку, запастись мешками, заменить испорченную верёвку, приготовить людям еду. Ещё пять требовались дому. Последние пятнадцать она вернула Рашиду.

Он смотрел на три небольшие кучки возле её колен и на ту, что оказалась у него, с таким видом, будто она сама отняла у него деньги.

— Двенадцать пока не раздавай все, — сказал он. — Сначала спрошу, где повезут дешевле.

— Я не раздаю. Я откладываю.

— Я вижу.

Он уже хотел уйти. Джамиля могла бы ещё раз напомнить о Надири, но знала, какой ответ получит. Встала, вынесла ему воду умыться. Рашид склонился над тазом. Она лила понемногу, пока он тёр лицо, и видела, как вода с его подбородка сначала идёт мутная, потом светлеет.

— Здесь осталось, — сказала она и провела пальцем возле его уха.

Прежде чем взять полотенце, он ненадолго придержал её руку.

* * *

Марьям пришла на следующий день с тканью, завёрнутой в другую ткань. Нижний свёрток был тяжёлый; она положила его на пол и только после этого поздоровалась как следует.

— Одна несла? — спросила Джамиля.

— Сын донёс до поворота. Дальше ему понадобилось в другую сторону.

Марьям не сердилась. По тому, как она сказала «понадобилось», было ясно, что в следующий раз сын понесёт до самого дома, хотя сейчас об этом ещё не знает.

Развёрнутая ткань оказалась плотнее, чем Джамиля ожидала. Она подняла край к свету, проводя пальцами вдоль кромки.

— Двенадцать?

— Двенадцать. Одинаковых. Только вот эти две шире. Я принесла мерку.

Внутри большого отреза лежали два коротких — как раз на широкие наволочки. Марьям развернула один, показала, где должен пройти сгиб, и положила обратно.

— Тогда не одинаковых.

— Для платы — одинаковых, — сказала Марьям.

Джамиля улыбнулась. Ей нравилось, когда человек сразу показывал, за что собирается спорить.

Марьям торговала небольшими домашними вещами и брала заказы, которые сама выполнять не успевала. У неё было двое сыновей; старший помогал, пока не находил дела лучше, младшего ещё приходилось удерживать от помощи. Она знала Рашида давно, знала и его мать, и прежде Джамиля не стала бы брать у неё работу: слишком много людей потом могли сказать, как именно у Джамили получился шов.

Теперь такая разборчивость была ей не по карману.

— Два рубля, — сказала Джамиля.

Марьям подняла одну бровь.

— За наволочки?

— За двенадцать. Из твоей ткани. Две шире.

— Две шире — две уже.

— Нет. Все остальные ты велела по этой мерке.

Марьям засмеялась, но ткань не свернула. Значит, разговор продолжался.

Они сошлись на двух рублях: один Марьям оставляла сразу, второй — за готовую работу, которую хотела забрать через шесть дней.

Джамиля посмотрела на ткань, на свет во дворе, на дверь, за которой Муса что-то перекладывал с громким шорохом. Подушка ещё не была зашита, бельё не выстирано, к матери Рашида надо было сходить после ремонта крыши. Но двенадцать наволочек казались работой, которую можно разложить по вечерам: по две, если не отвлекаться.

— Через шесть, — сказала она.

Марьям вынула деньги. Джамиля положила рубль на ткань и накрыла ладонью.

— Нитки твои? — спросила Марьям.

Джамиля убрала руку.

О нитках они не договорились.

Марьям поглядела на неё и полезла в сумку.

— Есть у меня. Только не трать на другое, мне остаток вернёшь.

Марьям достала моток хорошей ровной нити, и Джамиля решила, что с такой справится быстрее.

Пока Марьям собиралась, Сафия принесла им воду. Кружку подала гостье обеими руками, с чрезмерной осторожностью, из-за которой вода как раз и расплескалась.

— Ничего, — сказала Марьям. — На пол можно. На ткань не надо.

Сафия посмотрела на рубль.

— Это тебе?

— За работу, — ответила Джамиля.

— А где работа?

Марьям похлопала по свёртку.

— Пока здесь.

После её ухода Джамиля закрыла дверь во двор, расстелила ткань и стала отмерять. Сафия помогала держать дальний край. Она всё время натягивала сильнее, чем следовало, и Джамиле приходилось просить ослабить.

— Теперь опять криво, — сказала дочь.

— Потому что тянешь.

— Ты велела держать.

— Держать, не тянуть.

Стоило Сафии совсем отпустить край, как ткань сползла на пол.

Джамиля закрыла глаза. Потом открыла и увидела, что девочка ждёт, как сейчас с ней поступят.

— Иди погуляй.

— Я могу держать.

— Знаю. Мне надо одной.

Сафия ушла, оставив после себя небольшую пустоту и удобство, от которого Джамиля чувствовала себя нехорошей матерью. Одной действительно получалось быстрее. Она прижала край камнем, приложила мерку, сложила ткань. Потом ещё раз проверила ширину.

До вечера Джамиля выкроила четыре наволочки и начала шить одну из них.

Пришёл Рашид. Во дворе он задержался, поговорил с кем-то у ворот, потом вошёл и сразу увидел раскроенную ткань. Джамиля ещё до его вопроса поняла, что ему не понравится беспорядок.

— Кому?

— Марьям.

Он потрогал материал.

— Хороший.

— Поэтому не садись на него.

Рашид убрал колено с ткани, а Джамиля сдвинула куски, чтобы он мог сесть возле неё.

— Она принесла?

— Утром.

— Когда закончишь?

— Через шесть дней. Теперь через пять.

Рашид потянул за свободный конец нитки. Джамиля отвела его руку.

— Не трогай. Запутаешь.

— Я смотрю.

Она продолжала шить, но несколько стежков легли неровно, и их пришлось распороть.

— Сколько даст? — спросил Рашид.

— Два рубля.

Он ничего не сказал, но она увидела, как изменилось его лицо: сначала он обрадовался деньгам, потом понял, сколько именно их будет, и постарался не показать разочарования.

Джамиля воткнула иглу в ткань.

— За двенадцать, — сказала она. — Не за всю жизнь.

— Я ничего не говорил.

— Я знаю.

Рашид встал и принёс ей светильник ближе. Пламя дрогнуло, на ткани сдвинулось тёмное пятно.

— Матери отнёс, — сказал он.

— Она довольна?

— Сказала, что надо было ещё летом.

Джамиля улыбнулась, не поднимая головы.

— Значит, довольна.

Увидев в комнате отца, Муса подошёл к нему и попытался забраться на колени. Рашид поднял мальчика, но тот сразу потянулся к лежавшей ткани.

— Не тронь, — сказали они одновременно.

Муса убрал руку и стал разглядывать собственную ладонь с оскорблённым недоумением.

Джамиля неожиданно рассмеялась. Рашид подхватил её смех, и какое-то время всё было легко. Мальчик понял, что на него не сердятся, тоже засмеялся и полез обнимать отца за шею.

Когда они вышли, Джамиля дошила короткую сторону частым ровным швом, которого можно было не стыдиться перед Марьям.

Она развернула работу, приложила мерку и почувствовала, как неприятно потеплело лицо.

Это была одна из двух широких наволочек. Она выкроила её по обычной мерке.

Проверив остальные три, Джамиля обнаружила, что все получились одинаковыми. Двух широких среди них не было; ткань на них она уже отрезала, рассчитывая, что хватит.

Можно было пойти к Марьям сразу. Сказать: ошиблась, посмотрим, как поправить. Но Марьям только сегодня принесла ей первую настоящую работу и оставила рубль. Джамиля представила, как та разворачивает ткань на своём столе, прикладывает мерку, молчит.

Отложив испорченный кусок, она заново расстелила оставшийся материал и долго двигала мерку, стараясь найти такой порядок, при котором всё ещё могло получиться.

Глава 6. Не для показа

Казань. Февраль 2026 года.

Когда мать ушла, Саша переставила пирожные на маленькую тарелку и принесла отцу.

— Я только что ел, — сказал он.

— Одно.

— Это ты себе сказала?

Она поставила тарелку на столик. Павел посмотрел на пирожные, выбрал то, которое на самом деле не любил, и откусил совсем немного. Крошка упала ему на рубашку. Саша потянулась стряхнуть, он перехватил её руку.

— Не надо.

Она села напротив.

Осенью, когда в выписке впервые появились слова о метастазах, Саша выучила длинное название болезни раньше, чем научилась произносить его перед отцом. Потом он сам сказал «рак поджелудочной» в разговоре о такси, словно это было название места, в которое надо доехать. Ей стало легче и одновременно страшнее: если он мог говорить так просто, значит, всё это уже давно происходило с ним, пока она ещё выбирала слова.

С тех пор Саша много читала. Ночью особенно хорошо находились тексты, после которых нельзя было спать. Она переходила от одного к другому, искала нужный возраст, похожую историю лечения, такое же самочувствие. Люди в рассказах то выздоравливали, то исчезали из переписки. Утром все истории смешивались, а отдельное число оставалось в голове и мешало смотреть на отца.

Павел доел маленький кусок, отложил остальное.

— Не нравится?

— Сейчас не хочется.

— Но ты мало ешь.

— Саш.

Она увидела, что он смотрит на дверь, за которой только что исчезла мать. Не с тоской — скорее, с просьбой к отсутствующему человеку объяснить дочери уже объяснённое.

Саша придвинула тарелку к себе и откусила своё пирожное.

— Хорошее, — сказала она с набитым ртом.

— Значит, правильно купила.

Она показала ему длинный двор на экране. Там, где хотела снимать, было красиво: узкие проходы, следы на снегу, жёлтая стена, которая на солнце казалась почти оранжевой. Другая участница их группы называла это «фактурой». Саша сначала тоже так говорила, а потом заметила, что за этим словом они перестали спрашивать, кому вообще удобно идти через двор.

— Вот здесь утром все идут, — сказала она. — Можно поставить камеру возле арки.

Павел прищурился.

— Вон там машина выедет, тебя и подвинет.

— Я не посреди дороги.

— Ты на дороге не посреди. Разница небольшая.

Саша увеличила снимок. Машина, которую она сперва приняла за часть дальнего фона, стояла перед воротами.

— Ну тогда дальше.

— Дальше нормальное место. Только люди увидят тебя заранее. Будут отворачиваться.

— Мы всё равно будем спрашивать разрешение.

— Правильно.

Он произнёс это без насмешки. Саша почувствовала такое удовольствие, что сразу открыла ещё один снимок.

Они минут десять обсуждали двор. Павел показывал на телефоне места, куда зимой натаскивают снег, и объяснял, почему следы идут по краю, хотя посередине вроде бы короче. Она раньше слышала от него подобные замечания только тогда, когда торопилась и хотела, чтобы он быстрее завёл машину. Теперь увидела, что у отца в голове хранился другой город — из разворотов, тяжёлых мешков, ворот, которые кто-то однажды сделал слишком узкими, и расстояний, удобных пешему, но мучительных человеку с дверным полотном на плече.

— А ты бы рассказал? — спросила она.

— Кому?

— Мне. Для проекта.

Он посмотрел на телефон.

— Я никуда сейчас не езжу.

— Про раньше.

— У тебя же про каждый день.

— Ну, как ездил раньше. Ты столько мест знаешь.

Павел поправил ворот рубашки. Саша сделала вид, что не заметила.

— Снимай, — сказал он.

Она попробовала поставить телефон на полку, но оттуда отец получался сверху, маленький, среди множества ненужных вещей. Саша сняла со спинки стула полотенце и отодвинула пакет с чистым бельём, а пульт положила на видное место.

— Пульт-то зачем?

— Чтобы... Не знаю. Обычно же он тут.

Павел засмеялся.

— Положи молоток. Будет как раньше.

Она тоже засмеялась, но пульт убрала.

— Лучше я в руках подержу.

Сев напротив, она подняла телефон так, чтобы в кадре остались его лицо, часть плеча и светлая полоска стены. Отец сразу посмотрел не на неё, а в камеру, и стал очень серьёзным.

— Не туда, — сказала Саша. — На меня смотри.

— Ты там за телефоном.

Она опустила его чуть ниже.

— Так?

— Так.

Нажала запись.

— Расскажи, куда ты ездил на работу.

Павел кашлянул, выдержал паузу.

— В разные места города Казани, — сказал он официальным голосом.

Саша опустила голову.

— Пап.

— Что?

— Нормально говори.

— Я и говорю нормально. Ты спросила, куда.

Она остановила запись.

Павел улыбнулся. В нём было что-то от человека, который с удовольствием портит школьную фотографию и уверен, что все потом будут рады.

— Ладно. Спрашивай ещё.

— Какая дорога тебе больше всего запомнилась?

— Домой.

— Кроме домой.

— Зря. Самая хорошая была.

Он говорил легко, но Саша уже видела, что устал. Ей захотелось успеть всё сразу: и правильный вопрос, и его прежний голос, и то, как он держит локоть возле кресла. Она снова включила запись.

— Хорошо. Домой. Почему?

Павел посмотрел мимо неё, на край кухонной двери.

— Потому что однажды приехал, а ты уже ходишь.

Саша не ожидала такого ответа.

— Как это?

— Мы тогда работали далеко. Я вечером поздно возвращался. Ты днём у мамы пошла, она не сказала по телефону. Ждала. Я захожу, а ты от табуретки отцепилась и ко мне. Два шага. Потом села.

— Я упала?

— Нет. Именно села. Как начальник, который пришёл, всё проверил и решил больше не работать.

От её смеха телефон дрогнул.

— Ещё расскажи.

Павел помолчал, перебирая в памяти.

— Из Адмиралтейской слободы однажды вёз зеркало. Не помещалось в машину, друг помог на своей. Я сзади сидел, держал. На каждом повороте видел себя. Приехал — такое чувство, что полгорода мне не понравилось.

— Почему?

— Потому что лицо моё недовольное всю дорогу.

Он стал рассказывать про зеркало: как заказчица уверяла, что оно обычного размера, как оказалось, что «обычный» у неё — почти во всю стену, как они вдвоём снимали обувь в прихожей, продолжая держать тяжёлую раму. Саша забыла, что снимает для учебного проекта. Один раз перебила, спрашивая, зачем они сняли обувь, если всё равно потом делали ремонт. Отец сказал: потому что женщина посмотрела на них, а они уже согласились.

Рассказ закончился там, где зеркало перестало быть зеркалом и стало дверью. Павел перепутал две истории, заметил, махнул рукой.

— Это в другой раз было.

— Ничего.

— Как ничего? Зеркало я тогда не разбил. Не надо людям рассказывать.

Он потянулся к телефону. Саша отодвинула его.

— Я вырежу.

— Покажешь сначала?

— Конечно.

— Без моего разрешения не отдавай.

Она остановила запись.

— Пап, я же не собираюсь...

— Я знаю. Всё равно сначала покажи.

Саша кивнула.

Он закрыл глаза. Теперь, когда говорить было не нужно, усталость проявилась сразу: плечи опустились, лицо как будто стало тяжелее. Она убрала телефон и встала.

— Полежишь?

— Да. Помоги только с этой стороны.

Вера уже показывала ей, как помогать ему перемещаться, но Саша всё равно спросила, куда поставить руку. Отец ответил коротко, без обычной шутки. Они добрались до кровати медленно. На середине пути он остановился, и ей показалось, что он сейчас не выдержит. Она испугалась, дёрнулась сильнее.

— Стой, — сказал он. — Не тащи.

Она замерла. Несколько секунд они стояли вместе, держась друг за друга, а Саша думала, что всегда считала себя сильной только потому, что никто по-настоящему не опирался на неё всем весом.

Потом он сумел сделать следующий шаг и сесть на кровать, а Саша помогла ему поднять ноги.

— Всё, — сказал Павел.

Поправив одеяло, она замешкалась с подушкой: мать каждый раз устраивала её иначе и, кажется, безошибочно. Павел сам показал, куда её подвинуть.

— Вот. Нормально.

Саша присела на край стула. Сердце стучало быстро, словно она бежала.

— Тебе плохо?

— Устал.

— Я могу маме позвонить.

— Зачем? Она скоро придёт.

Она посмотрела на часы. Двадцать минут третьего. До её встречи оставалось почти два часа, до маминого возвращения — сорок минут. Это были небольшие промежутки. Она повторила их про себя, чтобы они снова стали небольшими.

Отец лежал с закрытыми глазами. Саша пошла на кухню, достала тарелку с пирожными и съела одно стоя, у раковины. Потом второе. Ей было неприятно, что есть хочется именно сейчас.

Из комнаты раздался голос:

— Саш, воды принеси.

Она налила полный стакан, но на полпути вспомнила, что тяжёлый ему неудобно держать, и вернулась отлить половину.

Павел попил, отдал стакан.

— Ты можешь идти на свою встречу.

— Она в четыре.

— Тогда посиди пока. Я не выгоняю.

Поставив стакан на столик, Саша села рядом с отцом. На экране телефона всё ещё стоял последний кадр записи; она перевернула телефон, чтобы не видеть его.

— Я могу взять интервью у кого-нибудь другого, — сказала она.

Отец открыл глаза.

— Зачем?

— Для курса. Это оставить просто нам.

Он какое-то время смотрел на неё.

— Сначала покажешь, — повторил он.

Она кивнула ещё раз.

* * *

Малика вернулась без покупок, с зелёной папкой под мышкой. Первое, что она спросила, было не «как папа», а «ты ела?».

Саша почувствовала раздражение и сразу стыд за него.

— Ела.

— Что?

— Пирожные.

Мать прошла на кухню. Саша ожидала замечания, но услышала только, как открывается холодильник.

— Я тоже сейчас съем.

Из комнаты позвал отец. Малика заглянула к нему, спросила, удобно ли лежать, убрала с тумбочки пустую упаковку. Саша стояла в дверях и видела, как мало движений понадобилось матери на то, над чем она сама всё время думала.

— Мы снимали интервью, — сказала она.

— Хорошо получилось?

— Не знаю.

— Она у меня про дорогу спрашивала, — сказал Павел. — Я в разные стороны ответил. Малика улыбнулась.

— Зеркало вспомнил?

— Вспомнил.

— Ты там ещё хотел обувь не снимать, потому что новые носки дырявые.

— Я это не рассказывал.

— А надо было.

Саша посмотрела на них. Мать села на стул, положила руки на колени. Отец повернул к ней голову. На несколько секунд они снова оказались людьми, у которых было больше общих историй, чем Саша когда-либо слышала.

— Ты застанешь врача? — спросила Малика.

— Я думала, до неё уйти.

— Как хочешь. Придёт в половине четвёртого.

Саша осталась.

Ирина Юрьевна приехала с небольшой сумкой и стала разговаривать с Павлом так, будто кроме него в комнате никто не мог дать главных ответов. Иногда обращалась к Малике — уточнить, как прошла ночь, что изменилось после последней встречи. Потом снова возвращалась к нему.

Саша стояла возле двери. Само слово «паллиативный» ей всё ещё хотелось обойти, хотя она уже знала, что эта помощь не отменяла разговоров с онкологом и назначенного им лечения. Но знание не мешало каждый раз ждать от врача тайного знака: всё лучше, чем кажется, сейчас вам скажут.

Врач спросила о боли. Павел ответил: «Терпимо».

Малика чуть подняла голову.

— Ночью не очень, — сказала она.

— Ночью прошло.

— Через час.

Ирина Юрьевна попросила Павла рассказать, что именно мешало и когда, не пытаясь решить, кто из них преувеличивает. Сначала он отвечал неохотно, потом стал говорить подробнее. Сверив его ответы с листом назначений, врач обсудила с ним необходимые изменения и оставила Малике обновлённую запись. Саша видела, что речь идёт о конкретной ночи, о возможности поспать, о положении тела, в котором не приходится всё время искать облегчения. Ей хотелось спросить о месяцах, но в комнате сейчас договаривались об этой ночи.

— А если он будет больше есть? — спросила она.

Все трое посмотрели на неё.

Ирина Юрьевна повернулась вместе со стулом.

— Ты боишься, что он слабеет из-за того, что вы мало его кормите?

Саша кивнула, не глядя на отца.

— При такой болезни потеря веса не сводится к количеству съеденного. Мы отдельно обсуждаем питание и то, что мешает есть. Не надо превращать каждый приём пищи в проверку, хорошо ли он старается.

— Я не проверяю.

Врач помолчала.

— Я вижу, что ты хочешь помочь.

Павел протянул руку к столику.

— Она правильные пирожные купила, — сказал он.

Саша отвернулась к окну.

Когда врач ушла, было без десяти четыре. В общем чате её уже дважды спросили, где она. Саша надела куртку, потом сняла, чтобы обнять отца: в куртке было неловко и шумно.

— Завтра пришлю кусок, — сказала она. — Посмотришь.

— С зеркалом не перепутай.

Мать вышла проводить её и в прихожей поправила загнутый ворот. Саша не отстранилась.

— Мам, в марте я не смогу все четыре дня.

Малика убрала руку.

— Я знаю.

— Один точно смогу. Ещё один — часть дня. Только надо заранее.

— Договоримся, если поеду.

Саша хотела сказать, чтобы та ехала, но представить четыре дня без матери в этой квартире пока не могла и потому промолчала.

На улице она написала в чат, что задерживается, и открыла отцовскую запись. Надев наушники, услышала: «В разные места города Казани».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.